

«Семейственность — не всегда благо. Не всегда дети должны слепо повторять путь родителей, даже если последним кажется иначе. Дети не должны быть заложниками родительских амбиций, не должны...»

Гладкий асфальт до самого горизонта. Ровная дорога без поворотов. Стоит ударить ногой по педали — и вперед, туда, где все ясно и просто, где есть только скорость и ветер. И — свобода. Невероятная свобода от всего. И прежде всего — от отца, от его придирчивого взгляда, от язвительных комментариев, от оскорбительного пренебрежения.

«Я не маленький ребенок. Мне пора стать тем, кем мне хочется».

Рев мотоцикла заглушает мысли, ветер надувает футболку — свобода! Но завтра утром все вернется на круги своя...

МАРИНА КРАМЕР

Аделина

Почему-то летом на меня всегда нападают воспоминания о детстве. Нет, честно — ни в какое другое время года я не вспоминаю себя в возрасте восьми-девяти лет, только в июле. Первый рабочий день на этой неделе, солнце уже жарит, как раскаленная сковородка, превращая прохожих в румяные булочки. А я чувствую себя внезапно маленькой девочкой — только что вернулась из деревни, и мама встретила меня на вокзале, приняла из рук в руки у проводницы, подхватила спортивную сумку с вещами и потащила на троллейбусную остановку.

Я сижу на высоком сиденье сразу за водительской кабиной, смотрю в окно и удивляюсь тому, как сильно изменился город за тот месяц, что меня в нем не было, — вроде даже дома стали другими, и улицы, и деревья...

На мне сарафан в серую и белую клетку, вместо пуговиц — пластмассовые красные клубничины, это из-за них он и был куплен в универмаге бабушкой — уж очень я вцепилась в это ничем больше не примечательное платье.

Мама фыркнула на обновку — мол, конечно, такое только в сельпо и можно купить, но я не очень поняла, что плохого и в сарафане, и в сельпо. Белые босоножки запылились, мама смотрит с неодобрением — она уже в то время известный хирург, ее в городе многие знают, а тут рядом такая замарашка в ситцевом сарафане...

Она не спрашивает, как я отдохнула, не интересуется здоровьем бабушки — она хмурится, молчит

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

и нервно кусает нижнюю губу, прокручивая в голове сделанную вчера операцию. Я хорошо знаю и это выражение лица, и его причину. Для мамы нет ничего важнее работы.

Для меня тоже нет ничего важнее работы — ну если не считать мужа. Мы с Матвеем не так давно женаты, хотя уже довольно не юны, но что такое возраст в сравнении с теми чувствами, что мы друг к другу испытываем...

Но работа — это тот дополнительный цемент, что скрепляет наши отношения и делает их еще прочнее. Муж-единомышленник — это настоящий подарок, он поддерживает меня во всем, не страдает по поводу отсутствия ужина (который мастерски может приготовить сам), не ворчит по поводу моих задержек на работе — потому что сам такой же. В общем, семейная жизнь оказалась совершенно необременительной, чего я так боялась прежде. Главное — это выбрать подходящего человека, который будет смотреть в ту же сторону, что и ты.

И если снова о работе, то моя клиника пластической хирургии по-прежнему лучшая, туда все так же не иссякает поток желающих что-то изменить в себе, а я все так же за счет людей, готовых выкладывать большие деньги за новую внешность, бесплатно оперирую детей и оказываю экстренную помощь тем, кому она действительно нужна, а не является блажью или просто фантазией. У меня в штате всегда есть хорошие, высококлассные хирурги, специалисты по реабилитации и лучший — я не кривлю душой, говоря это, — психолог Иван Иващенко. С этим человеком

МАРИНА КРАМЕР

мы долго искали общий язык, но, когда нашли, оказалось, что я обрела не только прекрасного специалиста, но и хорошего друга, способного выслушать и дать совет там, где этого не может сделать Матвей.

Коллектив у нас более-менее устоявшийся, все работают давно, и я довольно редко беру кого-то еще, потому что в этом нет необходимости. И только в прошлом году, взяв молодую, но перспективную Ульяну Ненашеву, я была вынуждена снова искать хирурга. У Ненашевой начались проблемы с психикой, непроработанные детские травмы подкинули и ей, и мне неприятный сюрприз, и я снова начала обзванивать знакомых в поисках достойной замены. Длилось это довольно долго, в этот раз почему-то все кандидаты меня не устраивали, я выискивала повод отказать им — и непременно его находила.

И вот в понедельник наконец должно было состояться собеседование с кандидатом, а я, проснувшись утром, вдруг начала вспоминать детство. Вот к чему бы?

— В отпуск тебе пора, вот к чему, — Матвей откинул одеяло и сел, потягиваясь.

Я уставилась на него:

— Опять громко думаю?

Матвей развернулся, снова упал на кровать и обнял меня:

— Я давно к этому привык. Но тебе бы не помешало об этом с Иваном поговорить.

— Считаешь, что я схожу с ума?

— Нет. Считаю, что ты слишком много работаешь и нуждаешься в отпуске. И не надо мне сейчас говорить, что тебе не на кого оставить клинику, — прило-

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

жив палец к моим губам, закончил муж. — Все, давай вставать, у меня операция в десять.

— Блефаропластика?

— Да. Хочу еще раз посмотреть, прежде чем в операционную брать.

— Надеешься, что она передумала?

Матвей рассмеялся, вставая с кровати:

— Кто? Супруга мэра? Ты меня удивляешь. Она сделала портрет с макета, поставила на тумбочку и медитирует на него сутки напролет, а ты говоришь — передумала.

Макет — это смоделированное на компьютере изображение лица клиентки «после», мы всегда делаем такие, чтобы результат будущей операции был более понятен и нагляден. И, похоже, жене нашего мэра это очень понравилось.

Ну ладно — Матвей блестящий хирург, лучший из тех, что есть в моей клинике, и он сделает все так, что результат превзойдет ожидания капризной клиентки, за это я даже не переживала. А вот за предстоящий разговор с кандидатом на должность нового хирурга — очень. Потому что никогда не знаешь, кто окажется за открывающейся дверью в твой кабинет.

Семен

Харлей привычно заурчал, обтянутые кожей ручки управления приятно охладили руки — Семен почему-то чувствовал, как изнутри его охватывает жаркая волна, как будто на улице уже градусов сорок. Нет,

он не волновался по поводу предстоящего собеседования — знал себе цену, понимал, что все его заслуги не фикция. Но... фамилия. Фамилия, черт ее дери...

Всегда, еще со времен студенчества, стоило Семёну открыть рот и назвать ее, как тут же начинались косые взгляды, ехидные усмешечки и типа понимающее «а, ну ясно все». Быть сыном проректора института, где учишься, тот еще подарок, конечно, а если учесть, что отец до получения профессорской должности был еще и выдающимся хирургом, известным практически на всю страну, то картина получалась совсем печальная.

Вроде как все ждали от Семёна чего-то — то ли неизбежных ошибок, то ли, наоборот, какого-то невысказанного взлета, ну а как же — сын великого хирурга Кайзельгауза не может быть заурядным — или наоборот, должен им быть, чтобы оправдать поговорку «на детях природа отдыхает».

Примерно класса с седьмого, когда стало понятно, что другой дороги, кроме как в медицину, Семёну жизнь не предоставила, он с остервенением учился, чтобы доказать в первую очередь отцу, что достоин носить его фамилию, достоин быть сыном «самого».

И не то чтобы отец требовал от него подобного, вовсе нет, но глубоко внутри Семён ощущал, что должен, обязан, не имеет права не соответствовать. И это висело на его плечах тяжелым походным рюкзаком, вроде того, что он собирал всякий раз, отправляясь с приятелями-байкерами в очередной пробег.

Но если с содержимым этого рюкзака все было понятно, то что делать с чувством долга и завышенными ожиданиями окружающих, Семён не знал.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Так он дожил до тридцати пяти лет — днем довольно неплохой хирург, ночами — «дорожный воин», затянутый в кожу. Наверное, команда байкеров помогала ему сбросить напряжение, которое он постоянно испытывал в больнице, а ночная, почти пустая трасса давала ощущение полной свободы и независимости.

Отцу, понятное дело, такой образ жизни сына казался странным и не особенно нравился. В профессорском доме не принято было обсуждать увлечение сына мотоциклами и мотопробегами, считалось, что «мальчик прожигает жизнь», хотя «мальчик» — почти двухметровый светловолосый бугай с широкими плечами и огромными руками, умевшими уверенно держать не только руль харлея, но и скальпель, давно жил отдельно и старался, как мог, отстраниться от заслуг отца.

Мама никогда отцу не перечила, не спорила с ним, а в дни, когда профессор Кайзельгауз оперировал в одной из клиник города, вообще ходила на цыпочках, чтобы не мешать супругу отдыхать. К счастью, таких дней становилось все меньше — профессор не молодедел, зрение было уже не то, и руки начали предательски подрагивать.

Хуже было другое... В последнее время он непременно желал видеть ассистентом сына, и Семен вынужден был соглашаться, хотя больше всего ему хотелось отказаться и никогда не стоять с отцом за одним столом, подчиняясь его указаниям, с которыми все чаще он не был согласен.

Он уставал от снисходительного отцовского тона, от его нарочито пренебрежительного отно-

шения к сыну в операционной — как будто Семен не был хирургом, а являлся всего лишь интерном, таким шалопаем, которого строгий папа решил приспособить к делу, доверил какие-то несложные манипуляции, хотя зачастую именно Семен проводил всю операцию, а Борис Исаевич лишь ставил в протоколе свою фамилию и инициалы выше остальных.

«Почему я никогда не могу возразить ему? — угрюмо думал Семен, размываясь после операции. — Почему не могу отказаться, просто сказав: «Папа, я не буду делать этого, возьми другого ассистента»? Потому, что он мой отец? Или потому, что боюсь оказаться хуже его?»

Эти мысли мучили Семена постоянно, но он никак не мог набраться смелости и высказать их вслух — не то что отцу, но даже себе, глядя по утрам в зеркало.

Решение уволиться из больницы, где оперировал и преподавал отец, Семен принял не сам. Он так и сидел бы, придавленный авторитетом профессора как могильной плитой, до конца своих дней, хотя уже вплотную занялся пластической хирургией, если бы не обстоятельства. Возможно, все было к лучшему, но кто знает...

Клинику Драгун ему посоветовала старшая медсестра Мария Николаевна, там работала ее сестра, и именно от нее пришла информация о том, что Драгун ищет нового хирурга.

— Съездили бы вы туда, Семен Борисович, — сказала Мария Николаевна как-то после обхода, шагая рядом с Кайзельгаузом-младшим по коридору в сто-

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

рону ординаторской. — Такой шанс не каждому выпадает, а у вас-то руки ведь золотые. Здесь все равно ничего не добьетесь, — шепотом добавила она, и Семен вздрогнул, словно старшая медсестра подслушала его тайные мысли. — Так и будут с отцом сравнивать, к чему вам это? Вы и сам по себе не пропадете. Не даст вам Борис Исаевич развиваться, хоть и отец, а там будете сам себе хозяин.

Семен неопределенно кивнул, но слова старшей медсестры засели в голове. Из больницы надо было уходить, но он не видел перспективы, а тут вдруг... И он решился, позвонил и напросился на собеседование, хотя в тоне Драгун услышал что-то вроде удивления, когда назвал свою фамилию.

«Ну ясное дело... И эта как все», — подумал Семен, однако решения не изменил и сегодня поехал в загородную клинику, чтобы посмотреть, как там все устроено, а заодно и себя показать — чем черт не шутит.

Инна

— Алина! Алина, вставай, будильник разорвется сейчас! — никакой реакции, конечно, не последовало, и Инна со вздохом хлопнула по кнопке надрывавшегося на прикроватной тумбочке будильника.

Дочь закутала голову одеялом и повернулась на другой бок, продолжая спать.

Инна решительно сдернула одеяло, и Алина, свернувшись клубком, заканючила:

— Ну ма-а-ам...

МАРИНА КРАМЕР

— Что — мам? Вставай, говорю, на практику опоздаешь.

— Мне сегодня в ночь...

— Не ври, у тебя сегодня только день, я расписание проверила.

— Тебе делать, что ли, нечего? — возмутилась дочь, садясь в кровати. — Что ты шпионишь за мной, я не маленькая!

— Тогда вставай и собирайся, мне еще Даню в лагерь надо забросить.

— Я мешаю, что ли? Уезжайте, я сама доберусь.

— Знаю я, куда ты доберешься. Собирайся давай.

Инна вышла из комнаты, даже не сомневаясь в том, что дочь тут же завалилась обратно в постель.

Так продолжалось уже несколько месяцев, с тех пор как дочь вышла с каникул после первой сессии в институте, которую сдала кое-как. Инна заехала в деканат, и там ей сказали, что Алина Калмыкова регулярно не появляется на занятиях. Инна сфотографировала расписание лекций и практических занятий и решила контролировать посещения сама, хотя и понимала, что Алина будет вот так протестовать. Но позволить дочери упустить шанс получить хорошее образование, да еще и на бюджетном отделении она не могла. Закончит — путь делает что хочет, а сейчас будет учиться. В семье потомственных медиков так было заведено.

Она стала контролировать посещения, и дочь, хоть и со скандалами, но добралась до второй сессии, которую тоже с треском завалила.

Инна помнила себя на первом курсе — да, иной раз филонила, как без этого, но со временем поняла, что

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

надо заниматься, посещать лекции и практику, иначе хорошим врачом не станешь. Она не спрашивала дочь, хочет ли та поступать в этот институт, как не спрашивали в свое время ее родители, их судьба как бы была predetermined заранее — династия Калмыковых уже несколько поколений работала в медицине, и других вариантов никто не предполагал.

Алина легко прошла конкурс, у нее был аттестат с двумя четверками и дополнительные баллы за победы в олимпиадах по биологии и химии, но первую же сессию дочь завалила, получив неуды сразу по двум предметам из трех, чем удивила и огорчила Инну.

— Как так? — возмущалась та. — Ну объясни мне, как ты ухитрилась-то схватить неуд по неорганической химии? Ладно еще — физика, могу понять, хоть и с трудом, но химия?!

Алина только отмахивалась:

— Ты наверняка помнишь завкафедрой, эта старая крыса вообще девчонкам выше тройки не ставит.

— Это неправда. Галина Григорьевна строгая, конечно, но ни к кому предвзято не относится.

— Особенно к тем, у кого сто поколений — врачи, ага! — с сарказмом отозвалась дочь. — Зачем ты мне фамилию поменяла? Чем папина была нехороша? Тем, что вы развелись? Ну а мы с Данькой тут при чем? Сама его фамилию не взяла и меня теперь лишила, и Даньку заставишь, когда подрастет! Будь я не Калмыкова, а Залевская, и Ганченко бы ко мне не придиралась!

— Ганченко не придиралась бы, если бы ты к экзамену готовилась, а не по клубам моталась! Что у тебя в голове вообще?

— Опилки! — отрезала дочь и стремительно вышла из квартиры, так хлопнув напоследок дверью, что со стены слетела деревянная ключница.

Инна решила пока не поднимать эту тему, но в институт съездила, договорилась о пересдаче, и Алина получила два «удовлетворительно» в зачетку, что, конечно же, Инну не устраивало. А после каникул, оказывается, Алина начала пропускать занятия, хотя из дома уходила каждый день, пусть и не всегда рано утром.

Инна представить не могла, где пропадала дочь в это время — слишком много сил отнимала собственная работа и младший сын, первоклассник Дая.

Дорога до клиники занимала много времени, приходилось прибегать к помощи няни, иначе мальчик оставался бы на продленку, а утром сидел бы в пустом холле школы, чтобы мать не опаздывала на планерку.

Инна работала анестезиологом в клинике пластической хирургии Аделины Драгун, очень дорожила этим местом, доставшимся ей по счастливой случайности почти сразу после возвращения в родной город из Москвы. Это было настоящей удачей — после столичной клиники не оказаться в рядовой больнице, а попасть в хорошее место с репутацией и большим потоком клиентов. Соответствующей здесь была и зарплата, позволявшая Инне не особенно снизить детям уровень жизни, к которому они привыкли в Москве. Она была хорошим специалистом, потому Драгун взяла ее сразу, однако оказалось, что окончательное решение о приеме на работу принимается только после собеседований с психологом клиники Иваном Иващенко.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Этот тип в свитере со следами кошачьей шерсти Инне сразу не понравился. Он говорил тихим голосом, словно стеснялся каждой своей фразы, но Инна чувствовала, что любой его вопрос выверен и попадает точно в цель, в самое чувствительное место, а это значило, что постоянно нужно быть настороже, готовой отразить атаку и не запутаться в собственных ответах. Если бы такое собеседование было одно, можно было как-то вывернуться, но ей пришлось встречаться с психологом трижды, и Инна очень боялась перепутать ответы на вопросы, которые Иващенко задавал всякий раз одни и те же, но в какой-то ему одному ведомой последовательности, потому легко было сбиться, особенно если стремишься говорить не всю правду.

Из разговоров с коллегами она уже знала, что владелица клиники всегда принимает решение о приеме на постоянную работу, основываясь на выводах психолога. Можно было, конечно, взбрыкнуть и отказаться, но Калмыкова отлично понимала, что места лучше этого ей не найти — даже с ее столичными рекомендациями и опытом работы. Клиника Драгун была местом, куда стремились попасть и откуда не увольнялись по своей воле, потому что совершать такую глупость мало кто хотел.

И она терпела эти «допросы», как мысленно называла беседы с психологом, ночами напряженно прокручивая свои ответы, чтобы не забыть их до следующего раза. Когда тебе есть что скрывать, приходится постоянно помнить все, что и кому говоришь.

Вторую заваленную сессию Алины Инне тоже удалось «устаканить», и теперь дочь проходила практику

МАРИНА КРАМЕР

в одной из больниц, но, судя по всему, появлялась там так же редко, как и на занятиях в институте, потому Инна вынуждена была контролировать и это. Да, ее дочь не была приучена мыть полы, но ничего, в жизни всему придется научиться. Работа санитаркой, конечно, не была пределом мечтаний Алины, но практика есть практика, и потакать дочери Инна вовсе не собиралась.

— Если сегодня ты не появишься в больнице, пеняй на себя! — крикнула она уже из коридора, выставив сына с рюкзаком за дверь.

Из комнаты Алины не раздалось ни звука, и Инна, со вздохом кинув взгляд на часы, побежала вниз по лестнице вслед за Даней.

Аделина

Приятно чувствовать, что дело, которому ты посвящаешь жизнь, и место, в которое вкладываешь силы и душу, стали родными еще кому-то. Я всегда думаю об этом, когда оказываюсь на территории клиники и вижу, как относится персонал к этому месту. У нас всегда чисто и красиво — и заслуга здесь не столько нанятых садовника и дворников, но большей частью наших медсестер и работниц пищеблока, а также анестезиолога Инны Калмыковой.

Когда я брала ее на работу, даже представить не могла, что эта невысокая хрупкая женщина с чуть вьющимися коротко постриженными каштановыми волосами окажется еще и прекрасным ландшафтным

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

дизайнером. В первую же весну она пришла ко мне с предложением обновить клумбы и разбить новые в таких местах большого парка, о которых я, например, даже не задумывалась. Однако доверившись Калмыковой, через несколько месяцев обнаружила, что клумбы самых причудливых форм, в том числе и каркасные фигурки животных, размещенные в разных углах парка, сделали его по-настоящему сказочным и уютным.

У анестезиолога, помимо высокой квалификации в профессии, оказались еще и золотые руки во всем, что касалось цветочных дел, и я мысленно похвалила себя за то, что все-таки взяла ее. А ведь могло сложиться и по-другому...

Психолог Иващенко после первого же разговора с Инной сказал мне, что та ему не нравится и кажется весьма подозрительной. Я насторожилась — чего-чего, а подозрительных людей в клинике я видеть больше не хотела, тут и так регулярно появлялись довольно странные персонажи как среди пациентов, так и среди персонала, и это иной раз вызывало определенные сложности, мягко выражаясь. Создавалось впечатление, что моя клиника притягивает людей в высшей степени профессиональных, но с какими-то скелетами в шкафах, с какими-то прошлыми сложностями. Это касалось даже меня самой, даже моего мужа Матвея, и порой я думала, что именно в этом причина — я чувствую в людях эти сложности и не могу отказать.

Однако Калмыкову бы я не взяла и уже настроилась отказать ей, но тут, как обычно, случилось не-

предвиденное — наш бессменный анестезиолог Артем разбился в аварии, а его более молодой коллега Влад ни за что не справился бы с такими объемами операций, как проводились в клинике. Словом, судьба распорядилась так, что Инна Калмыкова стала частью коллектива, но я пока не пожалела об этом ни разу. Ну и увлечение ландшафтным дизайном, конечно, тоже добавляло ей веса в моих глазах.

Сейчас, идя по аллее от парковки к административному корпусу, где находился мой кабинет, я с удовольствием отмечала, что все клумбы укрыты зеленью и цветами как ковриками, от них исходит приятный медовый аромат, и это как-то успокаивает, настраивает на хорошее.

Я невольно задержалась у большой клумбы в форме сердца, усеянной мелкими белыми, розовыми и маслянисто-желтыми цветами. Они тонко пахли, и я никак не могла вспомнить название.

— Доброе утро, Аделина Эдуардовна, — раздалось за спиной, и я повернулась — ко мне приближалась Инна Калмыкова, чуть задыхаясь от быстрой ходьбы, раскрасневшаяся и слегка растрепанная.

— Доброе утро, Инна Алексеевна. Вы сегодня рано.

— Почему? — как-то растерянно спросила она, бросив взгляд на часы, и вдруг расхохоталась: — Да у меня часы вперед бегут, надо же... а я детей подняла ни свет ни заря, сына в лагерь отвезла — думаю, почему так тихо? Ох ты... — она завозилась с наручными часиками, переводя стрелки.

— Вы не знаете, как цветы называются? — спросила я, кивая на клумбу, и Калмыкова улыбнулась:

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

— Вообще это гипсофилы, но мне больше нравится английское «дыхание ребенка».

— «Дыхание ребенка»? — переспросила я, никогда прежде не слышавшая подобное название цветка.

— Да. Существует легенда, что в горах разбился мальчик, пасший овец, — искал отбившуюся от стала овцу и не заметил высокого обрыва, упал. Мать искала его несколько дней, а обнаружила только вот эти цветы, — Инна рукой указала на белые головки.

— Жуткая легенда, — пожилаясь я.

— Да, вот и немцам так казалось, потому они называют их «вуаль невесты».

— Откуда вы все это знаете, Инна Алексеевна?

— Так я много лет занималась разведением цветов. Дом был загородный, большой, с садом, пока в декрете сидела — нужно было чем-то заниматься, вот я и занималась... Я понимаю, странно звучит — анестезиолог и вдруг...

— Да почему же? Наоборот, интересно. Когда вы только время находите для такого хобби?

— Ну сейчас-то я только тут, в клинике, цветы высаживаю, квартира в обычном доме, — пожала плечами Калмыкова, и в ее лице вдруг мелькнуло что-то странное.

— Жалеете, что из столицы уехали?

Она снова пожала плечами:

— Не особенно. Здесь все-таки родной город...

— Мне кажется, я вашего отца знала.

— Все может быть. Он работал в больнице скорой помощи, заведовал приемным отделением.

Я почему-то вдруг сразу вспомнила Алексея Максимовича Калмыкова — высокого, сухощавого,

с тяжелым профилем и кустистыми бровями. Он всегда так стремительно передвигался по коридору отделения, что полы его халата летели сзади как крылья, и я отчетливо помнила этот момент. Калмыков умер лет семь назад от инфаркта прямо на работе.

— Странно, что я раньше об этом не вспомнила.

— Может, оно и к лучшему, — с грустной улыбкой отозвалась Инна. — Мне вот сегодня дочь заявила, что быть Калмыковой в нашем городе — наказание, особенно если учишься в медицинском институте.

— Подозреваю, что Галина Григорьевна Ганченко особенно придирчива? — предположила я и не ошиблась — Инна кивнула:

— А то... да вы наверняка тоже через это прошли, как и я.

— Наверняка! — заверила я и даже поежилась, вспомнив Три Гэ, как мы называли заведующую кафедрой неорганической химии. К детям врачей она придиралась с такой силой, что редкий из нас сдавал проклятую неорганику с первого раза, и меня эта участь тоже не обошла.

— Я не понимаю, как у Майи Михайловны могла получиться такая бестолковая дочь! — негодовала Ганченко, с видимым удовольствием выставляя мне в зачетку неуд.

Я рыдала всю дорогу домой, потому что зубрила билеты неделю, просыпаясь ночами в холодном поту, а в итоге получила два дополнительных вопроса из курса для специалистов химической отрасли, а вовсе не медицины, на чем и засыпалась.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Мама, кстати, отнеслась к этому совершенно спокойно и даже равнодушно:

— Ганченко просто ненавидит тех, у кого есть дети. Это нам она мстит, а вовсе не вам, потому что своих у нее нет, она всю себя посвятила преподаванию, а мы вроде как отвлекались от медицины, чтобы потомством обзавестись, такая вот странная логика. Не обращай внимания, пересдашь.

Я действительно пересдала, но Галина Григорьевна, выходит, все еще преподавала и продолжала тихо гнобить детей из медицинских династий — ничего не поменялось.

— Как вам работается, Инна Алексеевна? — спросила я, когда мы уже подошли к административному корпусу.

Калмыкова пожала плечами:

— Хорошо. В принципе, если знаешь работу, то место ведь не так важно... — И тут она как-то съежилась, словно спохватившись, что сказала лишнее, забормотала, глядя на выложенную брусчаткой дорожку: — То есть... я имела в виду, что... в общем...

— А вы правы, Инна Алексеевна, — прервала я. — Когда человек профессионален, то работа у него на первом плане, а потом уж все остальное. У вас операции сегодня?

— Да! — с облегчением выдохнула она. — С Мажаровым и с Авдеевым.

— Отлично. Тогда не буду задерживать, готовьтесь к обходу.

Мы уже вошли в здание, и Калмыкова побежала направо, к лестнице, ведущей в гардероб, а я поднялась к себе в кабинет.

МАРИНА КРАМЕР

Чем-то она меня настораживала, эта маленькая женщина с короткой стрижкой и вечно испуганными глазами. Мне постоянно казалось, что Калмыкова оглядывается, даже когда идет по коридору с кем-то из коллег, словно ждет нападения. Но я видела, какой она становится в операционной, когда дает наркоз и потом следит за состоянием пациента на столе — это была совершенно другая Инна, собранная, четкая, без единого лишнего движения. В последнее время Матвей полюбил работать с ней и все чаще просил поставить ему анестезиологом Калмыкову, а уж мой муж умел ценить профессиональные качества.

Но меня все равно не покидало это странное чувство, которое я испытывала всякий раз при взгляде на Инну Калмыкову.

Надо все-таки с Иващенко поговорить еще раз, вдруг я что-то упустила. После случая с Полиной Ненашевой я стала опасаться всякого рода странностей у своих врачей — в последнее время в моей клинике и так происходит слишком много, и ставить под удар репутацию, а то и вовсе лицензию я не собиралась. Лучше перестраховаться, чем потом опять разгребать последствия.

Семен

Миновав лесной массив, он уперся в огороженную территорию со шлагбаумом. Пришлось показать паспорт и потом минут десять ждать, пока охранник выяснит, можно ли впустить странного человека на мотоцикле, представившегося хирургом Кайзельгаузом.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Наконец шлагбаум поплыл вверх, а охранник, высунувшись из окошка, объяснил, как добраться до гостевой парковки.

— Сильно только не газуйте, здесь все же клиника, — предупредил он, и Семен кивнул.

Территория клиники оказалась огромной, с парком, двумя парковками, множеством беседок и каких-то аллей. Три больших здания, в центральное из которых, административный корпус, ему и нужно было попасть, располагались полукругом, но находились довольно далеко друг от друга, и Семен подумал, что наверняка их соединяет подземный переход, потому что других он не увидел.

«Здесь, наверное, зимой тихо совсем, — подумал он, паркуя мотоцикл и убирая шлем в бардачок. — Далековато, конечно, но место мне нравится. Интересно, как еще примут...»

Он слышал, что Аделина Драгун отбирает персонал по какой-то ей одной понятной системе, но всегда берет врачей только с высокой квалификацией, а его достижения в области пластической хирургии пока были весьма скромными. Но возможность поработать и поучиться рядом с такими профессионалами, как Матвей Мажаров, например, очень Семена вдохновляла. Он знал, что способности у него есть, пусть, может, и не такие выдающиеся, как у отца, но хирургом Семен был хорошим, это признавали все. Все, кроме Кайзельгауза-старшего, разумеется.

«Было бы хорошо здесь остаться, — он шел по дорожке к административному корпусу и с каждым шагом понимал, что это место словно создано для

него — ему тут стало спокойно, как давно не было нигде, даже дома. — Я бы смог реализовать то, что всегда хотел, и перестать из кожи вон лезть, доказывая отцу, что я не хуже. И потом — только тут я смогу заниматься тем, что мне интересно по-настоящему, а не стоять у стола вторым номером под строгим взглядом всезнающего папеньки».

В просторном холле его встретила девушка в голубом костюме, представилась Аллой и провела на второй этаж, где находился кабинет владелицы клиники.

— Вы пока вот тут располагайтесь, — предложила она, указав на диван. — Аделина Эдуардовна в курсе, что вы приехали, сейчас закончит с поставщиком и пригласит вас.

Семен неопределенно кивнул и опустился на диван, а девушка зашла за высокую стойку и уткнулась в компьютер, быстро набирая что-то на клавиатуре.

Пока его не пригласили в кабинет, Семен рассматривал приемную. Ничего лишнего, никаких раздражающих моментов, никаких дипломов, сертификатов и прочего, что так любят вывешивать на обозрение в платных клиниках. Здесь на стенах висела пара спокойных пейзажей в почти незаметных рамах — и больше ничего.

За стойкой у Аллы раздался какой-то мелодичный звук, она нажала кнопку и негромко сказала:

— Да, он уже здесь, Аделина Эдуардовна. Проходите, Семен Борисович, — это относилось уже к нему, и Кайзельгауз поднялся, почему-то испытывая волнение.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Ему уже не хотелось уходить отсюда, и теперь только от того, какое впечатление он произведет на владелицу клиники, зависит исход всего дела.

«Что это я так разнервничался? — удивленно подумал Семен, кладя руку на дверную ручку. — Как ба-рышня перед свиданием, ей-богу...»

За столом сидела худощавая блондинка с тонким носом и глубоко посаженными глазами, сразу окинувшая Семена быстрым изучающим взглядом с головы до ног:

— Семен Борисович? Проходите располагайтесь, — она указала на стул напротив себя. — Меня зовут Аделина Эдуардовна Драгун, я владелица этой клиники. Хотелось бы познакомиться ближе, прежде чем я приму решение о вашем контракте.

Семен сел, сложил перед собой на столе руки и заметил, как Драгун на них посмотрела.

«Если надеялась, что затрясутся от ее ледяного приема — так нет, я уже не мальчик, чтобы от подобного в трепет приходить».

— Насколько я поняла, вы в данный момент работаете в институтской клинике под руководством своего отца, профессора Кайзельгауза, все верно? — Драгун надела очки в красной оправе и взяла какой-то лист, испещренный мелким печатным текстом.

— Да, верно. Но я уже четыре года занимаюсь пластической хирургией, окончил курс в Москве.

— Но большой практики не имели?

— К сожалению, нет.

— А область какая?

— Реконструктивная хирургия молочной железы.

МАРИНА КРАМЕР

— Но вы же абдоминальный хирург? — снова глянув в листок, уточнила Драгун.

— Да, но хирургия органов брюшной полости увлекает меня куда меньше.

— Я понимаю. Всегда хочется чего-то наглядного, верно?

— Нет, дело не в том. Мне просто хочется работать в другой области, — Семен почему-то решил не кривить душой и сразу выложить все карты.

Драгун сняла очки, сунула дужку в рот и долго молчала, изучающе глядя на него.

— А ведь я и это понимаю, Семен Борисович. Тяжело быть вторым номером у отца?

Семен невольно вздрогнул, но быстро взял себя в руки:

— Честно? Я хочу делать что-то свое, а не идти по пути отца.

— Сравнивают?

— Да.

— Ну насколько я слышала, вы мало в чем уступаете профессору.

— Не знаю, — уклонился он. — Но делать хочу что-то другое.

— Я тоже хотела делать не то, что моя мать, — вдруг сказала Драгун, откладывая очки. — Нам, детям гениев, всегда приходится работать больше остальных, чтобы не затеряться в тени великих родителей и их достижений. И самое правильное — делать что-то другое, идти в иную область.

Семен вдруг вспомнил, что мать Аделины, Майя Михайловна Драгун, была выдающимся хирургом,

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

преподавала в институте, имела ряд научных работ и считалась специалистом высочайшего класса. Должно быть, Аделине тоже пришлось нелегко в свое время, и Семен это понимал, как, может, не понял бы кто-то другой.

— В общем, Семен Борисович, я вас беру на испытательный срок — так у нас положено, — произнесла меж тем Драгун. — И еще. Вам предстоят беседы с нашим психологом Иваном Владимировичем Иващенко, это обязательное условие. Я принимаю окончательное решение, основываясь на его выводах тоже. Психологический климат в коллективе мне очень важен, я должна понимать, что вы из себя представляете не только как хирург — тут я сама определяюсь, но и как человек, и это в компетенции психолога. Если вы возражаете против такого подхода, давайте сразу прощаться и не отнимать время друг у друга.

Семен пожал плечами — условие о разговоре с психологом его не обескуражило, а желание работать здесь только окрепло, он вдруг почувствовал в Аделине родственную душу, что ли, и это только укрепило его в мысли, что его место здесь.

— Я не вижу в этом проблемы, — сказал он, и Драгун, свернув листок вчетверо, бросила его в ящик стола:

— Тогда завтра в семь тридцать в ординаторской лечебного корпуса. Алла вам покажет, выдаст пропуск и объяснит, как тут у нас все устроено. Встретимся на обходе.

Семен понял, что собеседование окончено, и поднялся:

— Спасибо за шанс, Аделина Эдуардовна.

МАРИНА КРАМЕР

— Надеюсь, вы его используете, — холодные глаза опять скользнули по нему, и Кайзельгауз поежился, но неприязни при этом не испытал. — До завтра, Семен Борисович.

— До завтра.

Он вышел из кабинета и вопросительно взглянул на тут же вышедшую из-за стойки Аллу.

— Ну что, испытательный срок? — спросила она, и Семен кивнул. — Тогда идемте гулять по клинике. Ой, только давайте сразу пропуск сделаем, чтобы вам уже сюда не возвращаться. Мне нужен номер машины.

— У меня мотоцикл.

Алла удивленно вскинула брови:

— А зимой?

— И зимой, — пожал плечами Семен. — Какая разница?

— Так холодно же.

— Я привык.

— Ну мотоцикл так мотоцикл, — согласилась она и вбила в компьютер данные. — Вот ваша карточка. Парковка для персонала у нас в другом месте, не там, где вы сегодня остановились, я покажу. Карточку необходимо всегда держать при себе, охрана вас, конечно, запомнит через какое-то время, но пропуск будет требовать всякий раз — такое правило, даже Аделина Эдуардовна каждый раз показывает, а уж ее-то все знают.

— У вас тут, смотрю, для всех равные условия?

— Да, — подтвердила Алла. — У нас нет разницы между санитарками, работниками пищеблока или владелицей клиники. Такой подход. Потому и персо-

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

нал практически не меняется. Я, например, с открытия работаю, и даже мыслей не возникало куда-то уйти.

— Странно, что у вас лицо абсолютно натуральное, — заметил Семен, шагая рядом с Аллой по коридору.

— Почему странно?

— Обычно женщины, имея возможность что-то исправить, обязательно ею пользуются.

— А вы считаете, что мне нужно что-то исправлять? — слегка обиделась она.

— Нет, но... Даже когда нечего исправлять, а есть доступ...

— Глупости какие-то. У нас на операцию просто так не попадают, все через психолога. И если он видит, что операция — не необходимость, а бабья дурь, то ни за что не подпишет разрешение, а врачи без него не возьмут, такие правила.

Семен удивился. Ему казалось, что клиники пластической хирургии берут всех желающих, лишь бы деньги несли, а тут, оказывается, все через психолога — и пациенты, и персонал.

— А вы, Алла, тоже с психологом собеседование проходили?

— А как же? Конечно. Только тогда здесь другой психолог был, он погиб потом. Но Иван Владимирович не хуже, он очень хороший и очень знающий. Вы его не бойтесь, — добавила Алла, и Семен рассмеялся:

— Похоже, что меня может запугать психолог?

Алла фыркнула:

— Вас? Вряд ли. Да и габаритами Иван Владимирович вам явно уступает.

— Надеюсь, мне не придется бороться с ним на руках.

Алла расхохоталась, слегка запрокинув голову:

— Ой, не надо! Он нам здоровый нужен.

Экскурсия по клинике прошла непринужденно, Алла показывала какие-то важные места, попутно объясняя, как быстрее добраться, сводила Семена в кафетерий в корпусе реабилитации, показала, где операционные, процедурные и прочие кабинеты, а также ординаторская, где в момент их появления никого не было.

— Операционный день, — объяснила Алла. — А кто не на операциях, те на перевязках. Кстати, у нас здесь врачи рано приезжают, чтобы успеть до обхода всех своих больных посмотреть.

— Я это учту, спасибо.

— Во время дежурств можно отдыхать вот тут, — она толкнула следующую дверь и показала просторную комнату с кроватями, застеленными свежим бельем. — Если случается что-то экстренное, сестры всегда знают, где найти врача.

— А экстренное случается?

— Очень редко. Но иногда, например, могут привезти кого-то по скорой — это по договоренности с Аделиной Эдуардовной, она тогда звонит и предупреждает или едет сюда сама.

— Смотрю, начальница ваша работой не гнушается, да?

— Она едва ли не больше остальных работает, — как-то посурела Алла, словно готовясь защищать Драгун. — Разве что Матвей Иванович... А сейчас, ко-

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

гда заместитель ее, Васильков, на больничном опять, она все на себе везет — и административное, и операции свои.

— Ну уж операции-то могла бы раскидать, — заметил Семен.

— Она только в экстренных случаях больных отдает, и то только Мажарову. Ну ничего, завтра уже Васильков выходит, всем будет полегче.

— Мажаров ведь ее муж?

— А вы бабка-сплетница?

Семен смутился — вышло действительно не очень красиво.

— Ладно, не краснейте, — пожалела его Алла. — Да, Мажаров ее муж, это не секрет. Но Аделина Эдуардовна считает его лучшим хирургом клиники, даже лучшим, чем сама, а уж она-то... — Алла устремила взгляд в потолок, давая понять, что Драгун величина, каких поискать.

— Редкое качество для женщины — признать кого-то лучшим, чем она сама.

— Ну не мне судить, я не врач. Но все говорят, что у Матвея Ивановича руки золотые. Он же уходил из хирургии, преподавал в институте, но Аделина Эдуардовна его вернула, потому что нельзя, чтобы человек с таким практическим талантом зарывался в бумажную работу.

— Но учить ведь тоже кто-то должен.

— Знаете, что я думаю? Учителей полно, а хороших хирургов, видимо, не столько. Потому Аделина Эдуардовна так настаивала, чтобы он вернулся в операционную.

МАРИНА КРАМЕР

— Вы правы, Алла... учителей полно, — задумчиво повторил Семен, вспомнив отца. — А иногда хорошие хирурги гонятся за регалиями и должностями, забывая, зачем они вообще в медицину пришли. И становятся посредственными учителями.

Алла внимательно посмотрела на него, но ничего не сказала.

В целом, покидая территорию клиники и показывая на воротах пропуск уже с ощущением полноценной принадлежности к этому месту, Семен остался доволен и не разочарован. Завтра познакомится с будущими коллегами, оглядится, что и как устроено в плане рабочего процесса, а там, глядишь, все пойдет как надо — операции, перевязки, выписки. Он будет делать то, что давно хочет, там, где над ним не будет висеть тяжелая отцовская тень, закрывая собой весь горизонт.

Инна

В операционной она всегда чувствовала себя легко и свободно, порой даже лучше, чем в собственной квартире. Здесь Инна делала то, что умела и любила, то, чему долго училась и в чем совершенствовалась. Ей нравилось наблюдать за работой хирургов, сидя на своем месте у изголовья больного, нравилась четкая слаженность команды, которую собирал у стола Мажаров. Здесь все были на своих местах, все знали каждый свой шаг и шаг своего напарника, и все это вместе давало ощущение единого организма, при-

вычно выполняющего сложную работу. Инна ощущала себя частью этого организма и была счастлива, что уровень ее навыков соответствует высоким требованиям главного хирурга.

Матвей Мажаров был немногословен, корректен, вежлив со всеми — от санитарки до владелицы клиники, ничем не подчеркивая, что Аделина его жена. На работе они выглядели как коллеги, не более, но иногда Инна вдруг невзначай ловила взгляды, которыми они обменивались, и ей становилось самую капельку завидно — эти двое совершенно очевидно любили друг друга и ни на секунду друг о друге не забывали.

«Наверное, мама права и мне еще не поздно как-то устроить личную жизнь, — иногда думала Инна, возвращаясь с работы в квартиру, где ее ждал только сын. — Сколько еще я буду жить одна? Алина уже взрослая, вот-вот из дома уйдет, что я с этим смогу поделаться? Это ведь даже неправильно — удерживать ребенка рядом с собой. Даня тоже вырастет, ему уже восемь. И что потом? Мне скоро сорок, а что я видела в жизни?»

Но всякий раз она отгоняла от себя подобные мысли — нет, ей нужно сперва поставить на ноги детей, а потом уж, если останется время, заниматься собой. Инна понимала, что, скорее всего, этого времени у нее никогда не будет, но что теперь поделаешь... Видимо, такова уж ее судьба — остаться одной.

— Инна Алексеевна, и сами просыпаемся, и клиентку начинаем будить, — вплыл в ее сознание голос хирурга, и Инна встрепенулась, встала с крутящейся табуретки:

МАРИНА КРАМЕР

— Извините, Матвей Иванович, я задумалась.

— Да я понял. Мы закончили.

— Я провожу клиентку в палату и принесу протокол, — пробормотала сконфуженная Инна — никогда прежде с ней такого не случалось, чтобы буквально выпасть из операции, задумавшись о чем-то отвлеченном.

— Не торопитесь, я сегодня дежурю, так что время у меня есть, — сказал Мажаров, выходя из операционной.

Инна знала, что он остается дежурить всякий раз, когда оперирует сложного пациента, чтобы избежать осложнений и самому видеть ход первых часов после операции. Но сегодня они оперировали жену мэра, тут не было ничего сложного — блефаропластика, но Мажаров, видимо, решил перестраховаться.

Она проводила клиентку в палату, там еще раз измерила давление и пульс и пошла в ординаторскую, на ходу проверяя телефон. Звонков не было. Инна вздохнула и сама набрала номер дочери, но Алина трубку не снимала.

«Или не слышит, или занята», — обнадежила себя Калмыкова, отлично, однако, понимая, что, скорее всего, дочь просто спит и из дома ускользнет к тому моменту, когда должна будет вернуться мать.

Инна представления не имела, как справиться с совершенно вышедшей из-под контроля Алиной. Та всегда была с характером, но сейчас превратилась в неуправляемое нечто, не имеющее ни определенных желаний, ни четкой цели в жизни. Где бывает дочь, с кем общается, Инна не знала — Алина перестала де-

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

литься с ней своими секретами сразу после переезда сюда, и, как мать ни пыталась наладить прежнее общение, ничего не получалось.

«В какой момент все пошло не так? — мучилась Инна. — Когда, где я ошиблась, в чем? Ведь раньше она бежала ко мне с любой мелочью, с каждой пустяковой детской проблемой... теперь же я даже не знаю, дружит ли она с кем-то, какие у нее увлечения, есть ли молодой человек. Я упустила что-то важное, какую-то деталь, из-за которой все разрушилось».

— Инна Алексеевна! Инна Алексеевна, скорее! — вырвал ее из раздумий голос медсестры Любы, и Инна развернулась:

— Что случилось?

— Скорее, пожалуйста! Там клиентке плохо.

— Какой клиентке? — с упавшим сердцем переспросила Инна, уже заранее зная ответ и от этого внутренне холодея.

— Той, что привезли из операционной. Я Матвею Ивановичу не могу дозвониться, — задыхаясь, выпалила Люба, открывая Инне дверь в палату.

— Не надо ему звонить, я сама, — бросила Калмыкова, сдергивая с шеи фонендоскоп.

Клиентка выгибалась на кровати в судорогах, тяжело дышала и хрипела.

— Люба, фиксируйте голову, пожалуйста, только осторожно, чтобы повязку не повредить, — распорядилась Инна. — Наталья Андреевна, успокойтесь, сейчас все будет в порядке, — она приложила фонендоскоп к груди клиентки — тахикардия. — Вы меня слышите? С вами раньше подобное случалось?

— Н-нет... нет... — просипела клиентка, и Инна вдруг с ужасом увидела, что ее кожа начинает синеть, а горло распухает буквально на глазах.

— Люба, противошоковую аптечку, срочно! — крикнула она, и медсестра выскочила в коридор, а Инна вдруг испугалась.

Она не могла вспомнить, какой препарат вводила клиентке последним, что именно могло вызвать анафилаксию. Измерила давление — низкое, руки клиентки вдруг стали какими-то ватными, слишком вялыми и податливыми, как у тряпичной куклы, дыхание стало еле слышным.

Вернулась Люба с аптечкой, Инна быстро ввела воздуховод, набрала адреналин, сделала подкожную инъекцию.

— Люба, нужно еще ввести капельно, — она назвала дозу, и медсестра принялась собирать систему для внутривенного введения.

Грудная клетка клиентки стала двигаться более спокойно и равномерно, давление чуть повысилось, и Инна испытала облегчение — вывести из шока она ее успела, но вот что теперь говорить Мажарову? Она чувствовала, что где-то ошиблась, и такое было с ней впервые.

— Люба, нужен кислород.

— Да, я сделаю, Инна Алексеевна, — кивнула та, ловко вводя в вену систему для переливания. — Воздуховод уберете?

— Да, сейчас... — Инна убедилась, что клиентка нормально дышит, убрала трубку. — Наталья Андреевна, как вы себя чувствуете?

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

— Голова... кружится... — простила та.

— Это пройдет.

— Что со мной?

— У вас, по всей видимости, аллергия на какой-то из препаратов, но вы об этом могли ничего не знать, — уклонилась Инна, совершенно четко понимая, что в этом ее вина. — Мы разберемся, и я потом подробно все вам расскажу. А сейчас вам нужно отдохнуть.

Она проследила за тем, как Люба надела на клиентку кислородную маску, и вышла из палаты, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как задрожали ноги.

«Как я могла?! Что я упустила, в какой момент?! Надо срочно записи поднять, все равно протокол писать... Черт возьми, ну почему именно она?»

По коридору быстрыми шагами приближался Мажаров — даже без халата, в хирургическом костюме, видимо, кто-то все-таки вызвал.

— Что случилось, Инна Алексеевна? — обеспокоенно спросил он.

— Анафилактический шок. Но уже все... я провела противошоковые мероприятия, сейчас клиентка на кислороде и на дозе адреналина капельно, — пробормотала Инна, не сумев окончательно взять себя в руки.

— Чем вызван шок?

— Пока не понимаю...

— Вы что — не помните, что вводили?

— Почему... помню, — пробормотала она, опустив глаза и чувствуя себя школьницей, застигнутой за чем-то запрещенным.

МАРИНА КРАМЕР

— Тогда назовите, — потребовал Мажаров.

— Но ведь... трудно определенно сказать... это мог быть антибиотик, его вводили накануне операции...

— Это слишком отсроченные последствия! — перебил он. — Антибиотик вводился в шесть утра, сейчас половина второго, слишком долго для реакции немедленного типа.

— Тогда выходит, это что-то из препаратов для наркоза. Но клиентка могла не знать об аллергии. И я могла этого не знать, соответственно.

Мажаров сверху вниз посмотрел на нее.

— То есть вы не спросили?

— О чем? Об аллергии на наркотизирующие препараты?

— Об аллергии вообще, Инна Алексеевна!

— Я не помню... надо смотреть карту.

Мажаров раздраженно махнул рукой:

— Через полчаса жду вас с картой клиентки в кабинете Аделины Эдуардовны, — он отстранил Инну и вошел в палату, а Калмыкова почувствовала, что вот-вот заплачет.

Такое случилось с ней впервые — чтобы допустить оплошность, едва не повлекшую смерть клиентки, да еще и не помнить, как именно такое могло произойти. Калмыкова всегда проверяла и перепроверяла свои записи перед операцией, чтобы избежать вот таких ситуаций, но сегодня с самого утра все шло не так.

«Нельзя, нельзя приносить свои проблемы на работу! — ругала себя Инна, шагая по коридору в ординаторскую. — Папа всегда говорил — перешагнула

порог больницы, и все — ты не мать, не жена, не дочь, ты — врач, забудь обо всем, что у тебя происходит за стенами. А я в последнее время слишком часто отвлекаюсь на Алину, на Даню, на... а, да что там! Мне нет оправданий, это же понятно. Драгун запросто выставит меня на улицу и будет права — я поставила под угрозу жизнь клиентки и репутацию клиники. Да еще и клиентка — жена мэра, ну вот как такое происходит в один момент?»

В ординаторской ее встретили сочувственными взглядами, но Инна, низко наклонив голову, прошмыгнула к своему столу и сразу уткнулась в монитор, открыв карту клиентки. Разговаривать с коллегами не хотелось совершенно, да и что она могла сказать? Оправдываться? Любой из них мог оказаться на ее месте... Или — не мог? Она проявила халатность, да что там — допустила чудовищную ошибку и теперь даже не могла понять, какую именно.

— Игорь Александрович, — обратилась она к Авдееву, — вам придется сегодня работать с другим анестезиологом, у меня сейчас разбор с шефиной и Ма-жаровым.

Авдеев только пожал плечами — он уже, видимо, успел передать все данные клиента Сергею Маликову — тот работал в клинике давно и считался начальником Инны.

— Удачи, Инна Алексеевна, — сказал Филипп Басалаев, выглядывая из-за своего монитора.

— Она мне точно пригодится, — пробормотала Инна, забирая с принтера распечатку протокола и предоперационного осмотра.

МАРИНА КРАМЕР

Строка об аллергии была пуста, это сразу бросилось Калмыковой в глаза — она действительно вчера не спросила у клиентки об этом.

В ординаторскую в этот момент вошел Маликов и сразу направился к ее столу, протянул руку:

— Дай я посмотрю.

Инна протянула ему лист, и Маликов, конечно, тоже сразу увидел пустую графу.

— Ты как так налажала-то, Инка? — укоризненно покачав головой, спросил он. — Там Мажаров злой как черт...

— Еще бы — жена мэра...

— А не в том дело. Будь это кто угодно — он бы злился так же, и я, представь, сейчас его хорошо понимаю, — Маликов помахал перед ее лицом листком. — Ну придумывай, что будешь говорить, больше я выхода не вижу.

Инна тяжело вздохнула, собрала все бумаги и вышла из ординаторской, направляясь к лестнице в переход между корпусами.

Аделина

После разговора с Кайзельгаузом у меня осталось очень приятное впечатление и какая-то ностальгия, вызванная, видимо, его словами об отце. Наверное, никто, чьи родители не работали в той же области и не были успешными и признанными, не сможет понять этих чувств.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Мне было чуть легче потому, что я женщина, мы все-таки немного иначе воспринимаем подобные моменты, да и мать никогда не стремилась видеть меня рядом с собой в операционной. Наоборот, она всячески отговаривала меня и не подталкивала к выбору профессии, считая неспособной и ни на что особенно не годной.

Семену же досталось, очевидно, по полной программе. Его отца, Бориса Исаевича Кайзельгауза, я знала довольно неплохо, и это был тот еще субъект. Самовлюбленный, холеный, с завышенной самооценкой, он всегда появлялся в отделении, где оперировал, с пафосом и громким говором, как будто считал хорошим тоном орать в коридорах, и его совершенно не смущало, что в палатах находятся пациенты после тяжелейших операций, выполненных его коллегами.

Кстати, сам Борис Исаевич в последнее время практически не брался за сложные или сомнительные случаи, находил тысячи причин для отказа и передачи такого пациента кому угодно. Я подозревала, что он просто-напросто опасался негативных исходов, чтобы не испортить себе репутацию блестящего хирурга. Он на самом деле когда-то таким и был, просто сейчас уже и возраст, и новые технологии, овладевать которыми ему становилось все труднее. И сын пригодился ему для этого как нельзя более кстати, и можно было продолжать поучать его, делая вид, что проверяешь знания и квалификацию.

На самом же деле, по отзывам коллег, как следовало из небольшого досье, собранного для меня Аллой, Се-